

Архетипоиды

Я стоял на берегу переливающегося всеми цветами океана, вздымающего многометровую грудь своей поверхностью в горы волн, почти что цунами, высившиеся в мимолётном жизненном цикле у далёкой и подёрнутой синеватой дымкой линии горизонта. По бирюзовой мерцающей поверхности воды бежали шарики, скатываясь взрывами красочных, расцветкой похожих на планеты и спутники Солнечной системы, брызг поднимающихся к поверхности океанских пучин. Я силой взгляда приближался к каждому из них, подлетая, и мог видеть поверхность, испещрённую сотнями кратеров и сопок, косогоров, береговых линий и озёр, обширных саванн и непроходимых джунглей, сияющих полярных снегов и бездонных морей. Одни из планет водяных брызг были бескрайними ледяными пустынями без начала и конца, безжизненными, лишенный даже намека на зарождение чего-то живого. Иные же планеты являли из себя раскаленные жерла, где дымчатые газы покрывают практически всю поверхность, и лишь на некоторые из них, те, что носили в себе самые неожиданные формы жизни, мне был открыт путь, где я мог выбирать, в каком виде явлюсь им: летающим, бегающим, кусающий, скачущим или понимающим и мыслящим существом.

Мои раздумья прервала тяжелая рука, неожиданно возложенная на левое плечо. Я судорожно обернулся. Прямо передо мной стояла смутная тень, похожая на ледяного мрачного призрака, словно бы вышедшего из подземелья. Ноги неожиданно пустились в пляс, а мир, тем временем, помутнел и начал терять первоначальную насыщенность игры цвета и света. По мере того, как морской мир тускнел, всплывал новый слой существования: серый, туманный, безразличный, практически начисто лишенный красок. Проекция становилась все более четкой и явной до тех пор, пока не перекрыла конкретными очертаниями морской мир, достигнув на чувственном уровне полной реалистичности.

Я стоял посреди мрачноватой болотистой местности в окружении невысоких гранитных пирамид, а вокруг клубился сероватыми клочьями липкий туман. На половину неба раскинулось маслянистое солнце треугольником о трёх глазах с такими же гометрически выверенными заточенными духовным напильником острыми зубками, столь же явственно треугольными, как и три глаза. Зубов, впрочем, было также три.

Солнце скрипело, словно битое стекло, развивающееся с электрическим треском из недр плюшевого медведя: “Выбирай себе гнездо под стать клушке, чтобы крылья не спали и полёт держать штурвалом. Пред тобой открыты все яблоки планет. Какая из жизней тебе под стать и придётся по вкусу? Та, что с хлыстом и решёткой? Иль, может, та, где будут, не унывая, распускаться лоснящиеся в ночи астры и сыплет звёздный виноград, бликующий в мерцании фотонов, исторгнутых ядерными реакциями из раскалённых газовых шаров? Ты увидишь себя в зеркале, если дойдёшь до самого центра мира, но тогда уже будет слишком поздно. Ищи, пока не увидел отражения. Возвратившийся же отражением сам на себя уже не способен выбирать. Кто ищет, тот счастлив, а кто обрёл, тот скреплен печатью воли ведения. Воля ведения - это зеркало за пределами счастья или без такового, за границами свободы и заключения, ибо видеть мир есть великое счастье забвения всех путей. Вечный вопрос “где и когда” поэтому не имеет ответа в достижении тобою предела. Так иди же со своим ключником, и пусть свита его хранит тебя от опасностей хладных миров, а длань твоя, приняв его ночь, укажет на дверь, которая, в действительности, есть ты сам ранее, отныне и навеки.”

Солнце с треугольными зубами извлекло из-под сливочных складок собственной туши спичечные держатели для глаз правильных геометрических рисунков, и, изображая велосипед, разделилось надвое, чтобы покатится по оранжево-зеленому небосклону. А те две половинки рапались еще надвое, которые, в свою очередь, ещё напополам - и так далее, пока солнце богато не окропило внутренними реакциями мохнатый снег блестящих мерцаний на ворсинках шерсти маленьких солнечных зайчиков на велосипедах.

Тут только я обратил внимание на размазанный образ незнакомца, стоящего ровнёхонько прямо передо мной на расстоянии метров трёх. Он был явно мужского пола, очень высок, худощав и костляв. Ростом незнакомец был за два метра, одет в тёмный серый длинный плащ, спускающийся почти до самых его пят и широкополую высокую соломенную шляпу, полностью скрывающую в тени его лицо. Единственную деталь, которую мне удалось более или менее разглядеть, так это узкий подбородок мертвенно-лунного белесого цвета, поникшие синюшные губы и торчащие из под них ярко-белые крупные зубки, ровные, прочные и выступающие чуть вперед, как будто указывая всем подряд направление пути, ведущее в место, держащееся где угодно подальше от носителя выпученных зубных косточек. На ногах у незнакомца были надеты ботинки архаичного вида или даже сапоги,

отличавшиеся кардинально и непропорционально масштабно загнутыми вперед носками, словно у сказочного волшебника. Сходства с восточными нарядами придавали хитромудрые узоры, расплзшиеся по поверхности обуви трескающимися лозами ужиков. В правой руке человек держал ключи, а в левой - тройную хлѣсткую кожаную плеть.

Он вздохнул с кипением и клекотанием в горле и произнёс довольно неприятным скрипучим высоким голосом с полунасмешливыми курлыкающими интонациями: “Зеркало звезд ждѣт тебя, терпит оно дико, странник. Я безликая бессмертная часть мира, чараластра преддверия выбора, Шмахрд Эуб - лишь одно из имен, данных мне за пределами мира людей. Можешь звать меня так. Пока ты в поисках мирового зеркала, я буду присматривать за тобой, но когда же ты его отыщешь, то все сети событий уже не способны будут тебе помочь, если выбор твой станет вдруг ложным для тебя же самого. Ты увидишь ошибочную истину своей лжи, но выбор твой, хоть и не впрок, хоть и впрасак, есть воля твоя, и то, чем ты отправишься в звѣздном зеркале, тем виток жизненной пружины и примет твое естество в понятиях пространства, массы и времени. А теперь иди по тропе в туман, но пусть разум твой будет чист, пуст и ясен для новых открытий. Тогда истина откроется тебе так же легко, как ты повернёшь ключ двери своего выбора после отражения в зеркале.”

С этими произнесѣнными словами загадочный ключник в соломенной шляпе умолк, а за его спиной светящимся конвеерным движущимся вектором обозначается путь, по которому мне следовало идти, единственная солнечная тропа, скользкие по кочкам салочки игривых скрещиваний лучей на болоте. Я шел по хлоплюющей топкой тропе свечения, огибая стадо животных, которых пас ключник.

Здесь были быки без шеи на коротких ногах из гигантских костей, чьи головы с вытараченными бюстиками глаз топорщились прямо из жирной холки, покрытой жѣсткой шерстью, напоминающей сушѣные корешки какого-то растения или неочищенную колкую поверхность зрелого кокосового ореха, напоминающую пружинистую паклю. Черепахи, бегемотиками плюхающиеся в жиже, тянули кочерыжки седых ротасто-подслеповатых морщинистых голов, испещрѣнных сотнями зубов, а зеленые церберы с тремя головами и двумя хвостами, похожими на крысиные, лаяли простывшей осиплостью отсыревших воздушных потоков. В солнечных пятных грелись, напевая в миноре звонким тенором красивые мурчащие песни, растянутые в длину гепарды без шерсти, облѣненные только в блестящую кожу, в маслянистых изгибаах которой играли отражения окружающих

ландшафтов. Цветастые змеи-многоножки, похожие на исполинских сколопендр были ещё даже далеко не худшими среди всех прочих нелицеприятных тварей, один вид которых способен был внушить ужас в любого не подготовленного к подобному зрелищу путешественника.

Животные не трогали меня. Вся их воля и всё их естество были ведомы и едины с волей и всем естеством ключника Шмахрда Эуба, астрального пастуха всевозможных форм в буфере между мирами, они были нераздельны, словно солнце, свет и плазма, воды и глубины, словно кратеры и лунная пыль, словно мысли и действия, решения и верный дух свободы, их породивший, ибо являлись проявлениями сторон друг друга. Ключник-пастух, его одежда, его ключи, плетение шляпы и хлыстик стада были, на деле, собираемыми и слагаемыми в единый неразрывный образ верхушками айзбергов естеств, отразившихся в моём брэнном рассудке в виде набора разделённых образов, столь же мало имеющих отношение к действительному их содержанию, сколь мало кожистый носик морского котика, высунутый на поверхность воды, имеет мало общего с обликом самого морского котика, тогда как происхождение каждого из этих кажущихся сослагаемых свойств, вероятностей и характеристик, указывало на единый и целостный источник, содержание которого не подвластно пониманию или осознанию в его первоизданном виде. По крайней мере, для тех, кто еще не научился воспринимать мир таким, каков он есть на самом деле: лишенным форм, границ и трактовок.

Я шел и вспоминал, как оказался здесь: мне доводилось часто покидать границы собственных условно материальных рамок, чтобы бесплотным призраком полетать над мерцающим ночным городом, встречая там такие же, как я, заблудшие души, или просто отправляться в скитания по бескрайним просторам зыбкой и текущей реальности, постоянно видоизменяющейся и видоизменяющей всё вокруг осознающих полупрозрачных тел путников.

В тот день события поначалу происходили, как обычно. Сначала я перестал чувствовать собственное тело, а перед глазами, в том самом мрачно-красноватом пространстве, появился зелено-изумрудный и чуточку салатного оттенка горизонтально вытянутый овал из искр, который начал, слегка мерцая и пульсируя, приближаться к границам зрения, пока не вышел за их пределы. Внутри этого овала обнаружился точно такой же овал, мгновенно разросшийся из центра зрения, а в нём - ещё и ещё бесконечно повторяющаяся итерация точно таких же увеличивающихся в размерах искрящихся зелёных овалов, которые, в своём нескончаемом полёте при постоянном ускорении превратились в

восприятие изумительного изумрудного туннель, словно бы нарезанного колечками и, одновременно, напоминающего клубящиеся на вишнёвом фоне тучи, то сходящиеся, то расходящиеся прямо перед моими глазами, хотя обычно такую картину в природе можно наблюдать где-то над макушкой головы, хоть и не с такой огромной скоростью перемещения тёмно-ватных грозно-грозовых тучных туч.

Когда туннель закончился, я оказался в мутном зеленоватом трехмерном пространстве, в котором мог наблюдать пляску образов, преобразованных из мыслей в конкретные зрительные видения и картины. Именно в этот момент всегда начинается самое интересное. Из области живота начинают расходиться волны вибраций, сначала медленных, но затем ускоряющихся всё более и более, образующих силу и непрерывность давления. В конечном итоге, это вибрационное дребезжание настолько ускоряется, что превращается в единообразное давление распадающихся на дискретной пульс жёстких подталкиваний вперёд, одно из которых и заставляло меня вылетать, словно пробка из бутылки шампанского или камешек из рогатки. При этом всегда казалось, что я не лечу вперед, а просто падаю вниз, проваливаясь по туннельной траектории.

Но в этот день все прошло не совсем так, как я и ожидал: осознание парило где-то под потолком, но рядом с кроватью стояли три тени.

- Ты нас не помнишь разве? - волной ухмылки пронёсся импульс от одной из теней.

Я изо всех сил пытался понять, что у вообще здесь такое происходит, но не только не мог ничего вспомнить относительно незваных незнакомцев, но даже и просто управлять направлением своего полета под потолком.

- Конечно, он нас не помнит, он же вступил уже на новый виток. Это мы еще никак не можем совершить свой выбор, - откликнулся второй призрак тени.

Меня сковал дикий страх, я захотел вернуться, но паника и эффект неожиданности от представших предо мной образов уже сделали тёмное дело, полностью вступив в свои права. Я отскакивал на связующем шнуре, той самой призрачной жиле, что либо дарила мне жизнь таком состоянии, либо - и я был в этом практически уверен на тот момент - просто воображалась, поскольку я вспоминал о ней. Движения прыгучести заставляли помыслить себя этаким мячиком для пинг-понга или развеваемым по ветру воздушным шариком или воздушным змеем, едва удерживаемым тонкими ладонями визжащих от восторга дошкольников, чуть не уносимых со всем их весом на зыбкой

ниточке куда-то под облака.

- Ты заставил нас ошибиться, полностью сгореть и обратиться в горстку праха, мы пленники теневых отражений твоими стараниями! Теперь же ты и сам делаешь то же самое, за что заставил нас страдать и обрѣк на долгое странствие. Так что ж, мы нашли тебя, судья! - далее последовала только волна переполненной мстительной радостью реплики от одной из теней: “Руби канат! Этого каната и нет вовсе, зато судью погубит его же собственный страх, его порождение выдумки.”

Другая тень, держащая в руке что-то узкое и тонкое, похожее на черный каменный нож, быстро провела этим предметом по моему шнуру, и тут вдруг со звуком лопнувшей струны сковывающие иглы пронзили всё тело, а я, плавно уносимый точно степными тёплыми воздушными потоками, поплыл куда-то всё дальше и дальше, пока не оказался на берегу переливчатого океана, скатывающего по самоцветным волнам разноцветные шарики взрывающихся брызгами планет. Должен признать теперь что дорога по сонным болотам шляпного ключника-чараластры уже начинала казаться мне нескончаемой.

Интересно какой путь выберу я теперь? Пока ещё ничего не ясно. А вы помните, по каким тропам вы здесь уже прошли, каждый раз переходя из века в век?

*Белоусов Роман,
28 июня 2011 года*